

Моя молодая счастливая мама, беременная мной.

Я ребенок – поздний, третье дитё и единственный сын. Чеховская формула: три сестры.

Мамы нас рожают молодыми. Молодая мама. Мама всегда и вечно молода. Но – мы-то растём, а они стареют. Мы видим их уже постоянно озабоченными, изможденными бытом, усталыми от жизни. Но когда она родила тебя – молода и счастлива!

Мы частенько исчезаем из материнского дома, бежим собственной жизнью, да и если рядом – добавляем им морщин. И – страшновато согласиться: но мамы не вечны. Мамы умирают. Ты не сирота в этом ожесточенном человечестве, если у тебя – даже далеко – живет-поживает мама. Когда умерла – ты обязательная сирота. Всемирное сиротство.

Мама вспомнится – но, скорее всего: в суете, на пробежку, между дел. Конечно, нетрудно заглянуть в храм, поставить свечу. Но в храм не всякий соберется.

Мне как подумалось?

Хорошо, помечталось мне, если б в городе, в котором я живу, случился мамин уголок с памятником маме. Я название скром-

ному монументу сразу сообразил «**Люблюмама**».

Конечно, на уютном постаменте должна быть, как говаривает моя внучка, «всехняя» мама. Не я же один зайду-забреду в мамин уголок. Узнаваемо-неузнаваемая мама – каждый отыщет в ней неуловимо родные черты. Для каждого и для всех.

Только обязательно: счастливая и молодая! И беременная тобой. Когда вы еще были так неразрывно вместе и единое целое?

Мы у себя на «Регионе» предприняли такую попытку, объявили телерадиомарафон «Люблюмама» – сбор народных средств на «всехнюю» маму. К сожалению, дело далеко не ушло. Наверное, плохо старались, неважно агитировали, сердечно не объяснили.

Я поделился своей бедой с гениальным скульптором Володи Шаратовым. Через некоторое время Володя позвал меня к себе в гости, в мастерскую в Ялutorовске.

– Похожа? – спросил.

Изумительно! Володя – поэт дерева. Он изваял из ствола мощной осины то, что замыслилось у меня в голове. Моя. Молодая. Счастливая. Мама. Беременная. Мной.

Каждая линия пела. Скорее всего, скульптор вдохновенно, работая, думал о своей маме. Возможно, о матери своих детей.

Но она была: Моя. Молодая. Счастливая. И мы были вместе.

Что я мог сказать Володе? Бесподобно! Непростительно гениально. Он сделал лучше, чем замыслил я. Наверное, и его тоже грызет неизбежная сыновья вина.

У меня есть своя «Мама». Но город без всехней мамы – конечно, сирота. Каждый город. Не только Тюмень.

Памятник – интимный. Но – для большого, шумного, суетного

города. Конечно, не на городской площади. В заповедном уголке, в скромном парке. Для всех любящих и виноватых сыновей.

Остановиться. Вспомнить. Помолиться.

Она подарила тебе такое счастье. Счастье жизни. И ты – ее вечное счастье. Посмотри, как она счастлива, беременная тобой.

Конечно, у каждого сына живет в сердце. Но и всякому любящему городу – не помешает.

Нежный монументалист Владимир Шарапов работает вдохновенно и споро.

В.Шарапов. «Люблюмама». Дерево.